Пусть эта фарсовая комедия поскорее закончится. Чэн Юй достал лист бумаги и положил его на стол:

— Решайте сами, чьё имя подписать… Кто подпишется, тот и станет моим рабом, и сегодняшнее дело будет исчерпано. В противном случае — отправляйтесь все в последний путь…

В этот самый момент мать Чжэнь внезапно бросилась вперед, оцарапала указательный палец Чжэнь Ци и, схватив ее за руку, силой прижала к этому листу бумаги.

Использовав кровь в качестве посредника, контракт заключился.

Каждый раз происходят ситуации, которые заставляют его по-новому взглянуть на демоническую природу: жадность, жестокость, эгоизм. На сей раз члены семьи самой Чжэнь Ци собственными руками оборвали Карму, связывавшую их. Прекрасно, по-настоящему прекрасно.

— Эй, малышка, теперь ты моя служанка. Твоя семья предала тебя, обменяв на собственные жизни. Я даю тебе шанс: выбираешь ли ты отомстить им?

Он бросил на стол черную как смоль кинжал. От этого кинжалова исходило зловещее дыхание, казалось, будто он и есть сама тьма. Сюй, что отгоняет зло и приносит свет, неожиданно не смог рассеять злобу, таящуюся в этом кинжале, а вместо этого испуганно сжался в комок?

Какая же это великая ирония судьбы.

Ну же, твой шанс настал. Чэн Юй махнул рукой, давая знак Чжэнь Ци.

Она колебалась. Чжэнь Ци глубоко вздохнула и изо всех сил вцепилась в свои дрожащие руки. Ее ужасно трясло, и любой на ее месте в подобной ситуации сильно засомневался бы, тем более что ей в этом году исполнилось всего-навсего сто лет.

Какая ирония: для людей сто лет — это уже горсть праха, в то время как для клана демонов сто лет — это все еще возраст детеныша. Небесный Путь изначально поставил человеческий род и клан демонов по разные стороны баррикад. Процветание, но мимолетность; долговечность, но немногочисленность — люди всегда больше любят то, чего у них нет.

Жадость — вот первопричина, ведущая к разрушению.

Тело Чжэнь Ци внезапно вздрогнуло и успокоилось: она приняла решение.

Напоследок взглянув на своих так называемых родственников, она холодно произнесла:

— С этого момента между нами больше нет ничего общего. Вода не смешивается с речной.

В этот миг она почувствовала невероятную легкость: больше не нужно, больше никогда не придется жить с ними под одной крышей, больше не придется терпеть их насмешки и издевки, и ни один демон больше не станет внезапно преследовать ее, избивая и превращая в живую игрушку.

Но почему, почему же? Слезы неудержимо текут ручьем.

Чэн Юй небрежным взмахом руки наложил на них печать:

— Вы должны знать, что эта малышка отныне принадлежит мне. И не смейте… приходить ко мне и требовать ее обратно, а также не вздумайте разглашать… мое существование. Иначе… последствия… обдумайте как следует сами.

Его тело внезапно рассыпалось облаком черного тумана и мгновенно исчезло.

Супруги Чжэнь тяжело и судорожно задышали — только что под давлением этого существа они даже забыли, как дышать.

В их головах неотступно крутилась лишь одна мысль: с чего это вдруг эта девчонка Чжэнь Ци связалась с таким типом?

Выбежав наружу, Чжэнь Ци горько заплакала, превратившись в настоящую живую плаксу. Она плотно свернулась клубочком, вцепилась зубами в собственный хвост, чтобы заглушить рыдания, а крупные слезы одна за другой падали на землю.

Чэн Юй подобрал с земли ветку и потыкал лежавший там комок. Пружинит, упруго так, наощупь вполне неплохо, но после долгих раздумий из него выдавилось лишь:

— Хватит плакать.

В лексиконе сурового непреклонного воителя отсутствовала графа утешения слабых женщин. Вечно ждать, пока с небес спустится принц на белом коне и спасет тебя? Прошу прощения, но принцы на белом коне спасают только принцесс, а вовсе не смотрят на никчемную тебя.

Суровая реальность жизни ранит до боли.

Хоть она и милая? Крупная девчушка-студентка горько плачет, но ведь сейчас уже десять часов вечера — по идее, время готовиться к погружению в глубокий сон. Научные исследования показывают, что с половины одиннадцатого до одиннадцати вечера — это период наибольшей активности гипофиза головного мозга, вырабатывающего гормон роста.

Пожилому человеку ради режима жизненно необходимо ложиться пораньше, а эту оболочку нужно беречь и холить — если вдруг где-то потребуется ремонт или починка, это выльется в огромные траты. У мужчины нет денег, так как же ему содержать будущую жену?

Чэн Юй терпел-терпел и решил больше не ждать. Он скомандовал:

— Вставай, пошли со мной в Дом милосердия, я забронировал для тебя койку. Либо ты поднимаешься сейчас, и я тебя провожу, либо выплакиваешься и идешь сама.

— Я… ик… плохо ориентируюсь в пространстве, учитель Чэн… ик… проводите меня, пожалуйста.

Всхлипывая, Чжэнь Ци поднялась с земли и осторожно ухватила Чэн Юя за руку.

Пережившему душевное потрясение детенышу требовалась забота со стороны взрослого, и это он прекрасно понимал, более чем понимал.

Ничего подобного он не понимал! Его рука вовсе не предназначена для того, чтобы за нее держался какой-то вечно ревущий Сюй! Только что ее когти скребли по земле — неизвестно еще, сколько на них бактерий! Три секунды физического контакта — это предел, все, что дольше трех секунд, предназначено исключительно для будущей жены, просим это учесть.

Не подавая виду, Чэн Юй высвободил руку из лапки Чжэнь Ци и строго произнес:

— Чжэнь Ци, я знаю, что тебе сейчас очень больно, но я не твой сородич, и тебе не следует возлагать на меня свои надежды. Как только ты сдашь курс обучения для демонов, тебе сразу же придется выйти в общество, и у тебя не останется времени на слезы и сопли.

— Ты же понимаешь меня, верно?

Он выразился немного резко, и в глазах детеныша снова заблестели слезы, грозящиеся сорваться вниз.

Вот почему он больше всего на свете ненавидел таких уязвимых и хлопотных малышек: все эти так называемые психологические проблемы возникают исключительно из-за эгоцентризма. Подобные создания, с которыми невозможно толком поговорить, а можно лишь бессвязно орать и ныть, — держитесь от меня как можно дальше.

Чжэнь Ци ничего не ответила и лишь уставилась на Чэн Юя затуманенными слезами глазами, вынуждая его сменить тон:

— Я всего лишь мимолетный гость в твоей жизни, а свою судьбу ты держишь в собственных руках, и никто другой не сможет помочь тебе хотя бы наполовину.

— Но ведь… учитель, разве не вы помогли мне уйти из того дома? — сжавшись в комочек, тихонько произнесла Чжэнь Ци, стоя на месте.

Маленькая, беспомощная, жалкая.

И это при том, что она была столь свирепым благовещенским зверем с таким непреклонным характером, что вечно лезла в драку! Стоило ей обнажить свою уязвимую сторону, как это напоминало слезы сурового мужика и вызывало еще более сильное сочувствие.

Поддавшись невесть откуда взявшемуся моральному шантажу, Чэн Юй согнулся и взвалил этот комок себе на спину:

— Ладно-ладно, пока ты в школе, можешь чуток на меня полагаться. Спи давай, спи, а завтра проснешься — и начнется совершенно новый день.

Сюань Тин из Дома милосердия уже ждала у входа. Завидев его, она тут же поспешно перехватила Чжэнь Ци и принялась без умолку тараторить:

— Господин Чэн, Преподобный Чэн! Разве можно носить детенышей на спине вот так? Из-за такой позы пища может легко забраться обратно в пищевод. Если у вас в будущем появятся свои детеныши, как же вы собираетесь быть хорошим отцом?

http://bllate.org/book/34708/4284676